

Михаил Пойзнер

Время бежит...

«...Конец путешествию здесь он найдет...»

Время бежит...

А в памяти неожиданно оживают давние страницы, которые так или иначе вошли в твою жизнь.

...Было это ранней осенью 1987 года, в самый разгар советской перестройки. Тогда в Одессу внезапно приехали жена и дочка очень известного московского академика-экономиста, одного из отцов-вдохновителей этой самой перестройки.

И тут звонят приятели из нашего нархоза. Надо этим приездом устроить экскурсию по Одессе. Да так, чтобы запомнилось на всю жизнь.

Можно обратиться в любое экскурсионное бюро, в Одессе их море. Нет, говорят, там все формализовано, а надо, чтобы с одесской душой, как-то близко, по-человечески...

И вот эти гости уже у меня в машине.

Вместе провели, наверное, не меньше трех часов – от Дерибасовской до Дачи Ковалевского, от Дачи Ковалевского через Молдаванку до Пересыпи. Историческое, военное, театральное, литературное, бандитское – все прошло перед ними за это время.

Жена академика не замолкала. С чисто московским акцентом все перемалывалось и примитивно комментировалось. В принципе, она в восторге...

Дочь – напротив, молчит. Меня это как-то задело: «А чем вы занимаетесь? Чему учитесь? Что интересует?».

Оказалось, она студентка то ли второго, то ли третьего курса факультета журналистики МГУ (!). И больше всего любит поэзию Эдуарда Багрицкого. Даже готовила какой-то сложный реферат о его творчестве. А я-то в своих «одесских рассказах» как раз о Багрицком и не упомянул!

В тот момент мы находились у парка Шевченко, на Марзалиевской. Я резко развернул машину, выскочил на Троицкую, налево – на Канатную, потом направо – на Базарную. При этом медленно, насколько это возможно, начал читать наизусть стихотворение Багрицкого «Арбуз»:

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе – и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.
Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть –
И мы паруса развернули...

Ну и дальше по тексту:

Я выберу звонкий, как бубен, кавун –
И ножиком вырежу сердце...

Воцарилась тревожная тишина... Девушка широко раскрыла глаза.
Мать мгновенно замолкла...

Я «с выражением» продолжал следить – что же дальше будет именно с этим арбузом?

Волнение нарастало...

Я ехал все медленнее и медленнее. Другие машины непрерывно сигналили. Не обращая внимания, я погружался в динамику восклицаний Багрицкого.

Уже дошел до:

Мне жизни веселой теперь не сберечь –
И руль оторвало, и в кузове течь!..

Минуты оцепенения. Пугающая неизвестность...
Девушка полностью вошла в себя.
У матери, наверно, никогда не слыхавшей о Багрицком, начали
наворачиваться слезы.

Но вот уже почти развязка:

Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...

И вот уже:

Низовый на зыби качает кавун –
И к берегу он подплывает...

А я еду еще медленнее, переходя уже почти на детский шаг,
делая нужные ударения на каждом слове. Не еду, а волочусь...

И вот конец:

...Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...
И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

С этими словами я резко ударил по тормозам. Мои пассажиры
испуганно подались вперед.

Я невозмутимо указал правой рукой на угловой дом – Ба-
зарная угол Ремесленной (Осипова). Базарная, 40, – дом, где
родился Эдуард Багрицкий! Дом с мемориальной доской его
памяти...

Вот почему я так медленно ехал!

Ехал, чтобы подогнать эти последние строчки «Арбуза» имен-
но к этому дому!

Пассажиры мои могли ожидать всего чего угодно, только
не этого. Внезапно они бросились ко мне, крепко пожимая
руки.

Это были мгновения триумфа Багрицкого!

Это были мгновения моего триумфа!

Я читал так убедительно, что они наверняка решили – как раз это я и надомил ту казачку насчет того, что же именно она берет в свои руки...

Мамаша все еще продолжала вслух разбираться с тем «Арбузом». Она была настолько ошарашена услышанным, что переспросила: «А что там дальше?!». Я пошутил: «Та не успели уточнить у самого Багрицкого. Как-то не получилось...».

Прошло много лет.

И сегодня, проскакивая мимо дома Багрицкого, я вспоминаю ту одесскую осень, свою старенькую «копейку» и слова той застенчивой девушки: «Спасибо за эти долгие мгновения... Теперь все это припрятано в моем сердце...».

Багрицкий как Багрицкий, а вот Одессу, думаю, они запомнят навсегда.

Парень из нашего города

... Что я сейчас вижу со своего окна?

Опять площадь Толбухина.

Опять машины и маршрутки.

Опять маршрутки и машины.

Опять трамваи...

Туда-сюда, сюда-туда...

А люди почти не заметны. Тем более с моего девятого этажа.

И так уже что-то почти двадцать лет.

Другое дело мой Книжный переулок!

За углом и Малая Арнаутская, и Привоз, и моя 118-я школа.

За углом вся жизнь...

...Когда меня сейчас спрашивают: «Вы откуда?» – я все равно, не задумываясь, отвечаю: «Я не просто с Одессы, я с Книжного переулка!».

А если начать издалека, так вообще мои родители жили где-то на Колонтаевской. Уже в самом начале войны отец погиб под

Севастополем. Еще при обороне Одессы в наш дом попала бомба, а уже в оккупацию маме подыскали новое жилье – как раз бывшая еврейская квартира в Книжном переулке.

А было мне тогда где-то годика четыре. И войну, и ту Одессу помню как-то штрих-пунктирно. Если честно, теперь уже трудно различить, что я «про тогда» точно помню, а что уже понарасказывали вокруг.

Помню немецкие машины, пожары, развалки, повозки с лошадьми. И форму немецкую, кажется, смутно тоже помню. Помню первых наших солдат на Малой Арнаутской в апреле 44-го. В кино сейчас показывают все иначе...

Еще в ноябре 41-го мой дед на Привозе огрызнулся румынскому солдату, за что получил прикладом по голове. Деда сразу же парализовало, так он пролежал аж до 47-го года, пока не умер. Вот какую память о себе оставили нам те румыны...

Что еще помню?

Помню, напротив нашей квартиры, на входе с Комсомольской, в школе № 2, находилось какое-то немецкое военное учреждение. Чтобы поговорить с моим дедом на немецком, к нам часто заходил немецкий офицер – пожилой мужчина, все время с огромной служебной овчаркой. Дед мой был родом из Питера, прилично говорил на нескольких языках.

А в нашей квартире, в довольно просторном подвале, с марта 44-го прятались от угона в Германию четыре соседских парня. Собака этого немца запросто могла учуять прячущихся. Мама моя догадалась что делать – слезно упростила немца приходить без той собаки. Мол, маленький сын, то есть я, очень боится собак, даже начал заикаться... И немец приходил сам.

Хотя в итоге все это напрасно. В первые же месяцы после освобождения Одессы тех ребят забрали в армию, буквально сразу все погибли при Ясско-Кишиневской операции. Необученные, необстрелянные...

А немец тот оказался все-таки приличным немцем. Когда они уходили, жестко предупредил нас – окна-двери закрыть, никому не открывать, по квартире не ходить, всем лечь на пол. Часто проезжающие немецкие солдаты беспорядочно стреляли

по окнам. Потом соседи подтвердили, что и на Комсомольской, и на Успенской были раненые и убитые.

А румын мы запомнили на всю жизнь.

Румыны с нашими дворниками регулярно обходили все квартиры. Всегда после этого чего-то недосчитывались, всегда не упускали возможности поиздеваться, унижить или просто избить.

И вот где-то летом 42-го во время очередного обхода румыны заметили на нашей входной двери мезузу. Никто из наших вообще не знал, что это такое и зачем. Откуда мы могли знать, что это традиционный еврейский символ? С огромным трудом попытались объяснить, что это не наше, что это осталось от евреев, которые здесь раньше жили. Евреев, которых убили еще в конце 41-го. Никто не хотел слушать, начали избивать маму... Не верили, а потом солдат со злостью скovyрнул штыком эту штуку с дверей. Нам еще пришлось кое-что дать этим «проверяющим», чтобы про нас забыли насовсем...

Моя мама, человек верующий, сохранила эту мезузу. Мол, Бог – един, и вещь эта богоугодная. Мезузу зашили в матрац, на котором я спал. Это место посчитали самым надежным.

А что такое мезуза?

Как я понимаю, вещь эта религиозная. Металлическая продолговатая плоская коробочка, внутри которой спрятан текст какой-то важной молитвы из Торы. Молитвы, что Бог и народ едины. Мезуза как бы охраняет твой дом, охраняет жизнь саму... Говоря по-нашему, это, считай, своеобразный оберег. Вот так...

...После войны пошел в 118-ю школу – на Малую Арнаутскую угол Преображенской. А время было голодное, холодное и бандитское. Хотя рядом и Привоз, и вокруг воры с бандитами, наш многонациональный дом обходили стороной. Никогда у нас не было никаких происшествий. Все тихо-мирно, никого никогда не ограбили, квартиры не обворовывали. А почему? В нашем доме почти до конца 40-х годов жил известный бандит, авторитет по прозвищу, кажется, Вовчик Ступенька. Я, конечно, помню его смутно. Тогда моя мама часто повторяла: «Увидишь, если он идет направо, ты иди налево...». Многие так и делали.

...Прошли годы. И, кажется, в 62-м в наше окно на Комсомольской постучали. Мужчина в военной форме извинился и попросил

разрешения войти: «Здесь мы жили еще до войны, здесь была наша квартира». Мужчина оказался подполковником, фронтовиком, военным летчиком, служившим тогда где-то в Подмоскowie.

Он прошелся по комнатам, явно что-то выискивая глазами. Наконец-то дошел до двери, что на выходе со стороны Книжного. Прикоснулся к дверному косяку, здесь еще оставался едва заметный след от скovyрнутой когда-то мезузы. Мужчина замер, снял фуражку, стал на колено... Оказалось, что мезузу прикрепили еще в 23-м году, в день его рождения... И мезуза эта – вещь святая и бесценная для их семьи.

Мама моя, рискуя нашими жизнями, сберегла эту чужую святую. Можете себе представить подполковника, боевого летчика, прошедшего войну, с глазами, полными слез?..

Мы передали ему мезузу как память о его близких, как память о моей маме.

...Семьями мы дружили много лет.

Теперь летчик мой лежит на Таировском, чуть в стороне, справа от церкви. Это недалеко от могилы моей мамы. Не всегда, но на проводы я здесь. Здесь, возле их последнего пристанища. Молча постою, прислушаюсь к самому себе. Спите спокойно...

Сына же его вообще помню плохо. Как-то не получилось близко общаться. А вот внук – другое дело. По возрасту примерно как моя племянница. Может, семьдесят седьмого или семьдесят восьмого года рождения. Еще где-то в середине девяностых они с матерью оказались в Израиле. Учился, служил, воевал. Как выяснилось потом – боевой офицер-вертолетчик. Так, наверное, в году 2002 или 2003 случайно встретил его у нас... на Сборке (!) – «Черноморец» туда, «Черноморец» сюда... Попытался разговорить, что там и как. На что он даже растерялся: «Извините, мы люди военные. Нас как-то не принято расспрашивать...». Конечно, тяжело прикидываться кем-то другим... А со стороны смотришь – наш обычный одесский хлопчик...

Что еще?

Время от времени оттуда напоминают о себе. То с кем-то перекинут долларов сто «на карман», то лекарства какие, то позвонят, то что-то еще... А то фотографии с еще той нашей мезузой, прикрепленной к уже их дверям, уже на их земле.

Как бы на связи... Мол, живы...
Добро всегда возвращается, когда и кто бы его ни сделал.

...Вот так жизнь подстерегает на каждом углу.

Ты давно уже где-то, а все равно как бы бродишь вокруг моего Книжного переулка. Бродишь по тому Книжному и в оккупации, и между послевоенных развалок, и по дороге в мою 118-ю, и с сумками на Привоз. И вот-вот постучишь в двери к маме с чемоданчиком после армии, и вот уже заносишь с роддома свою первую дочь...

Все прошло через Книжный.

И старишься тоже на его глазах.

И в Бога веришь, потому что Он есть.

